

собственных. Удивительно, но именно за это ругали в критических статьях, которые появились после выхода перевода "Энеиды", Д.И. Нагуевского. Как мог университетский профессор, филолог-классик проглядеть, просмотреть такое, а уж тем более совершить совсем непозволительное – само имя римского поэта было написано через "е", а не "и". Поэтому-то последние письма полны просьб Д.И. Нагуевского, чтобы Фет выступил с каким-нибудь опровержением, чтобы восстановить честное научное имя профессора. И, на наш взгляд, сама передача писем А.А. Фета в Императорскую публичную библиотеку имела и этот скрытый мотив

Перевод "Энеиды" А.А. Фета критиковался много раз, и в XIX веке, и в XX-м. Критиковали его за то, что перевод местами являет собой простой подстрочник, что мало внимания уделяется форме стиха Вергилия, что Фет обращает внимание лишь на содержание поэмы. Уже упоминавшийся В. Брюсов приводит довольно яркий образ того, что сделал Фета, да и Квашнин-Самарин. "Получился прозаический пересказ содержания поэмы, хотя почему-то и изложенный гекзаметрами. Получился даже не гипсовый слепок с мраморной статуи, а описание этой статуи, сделанное добросовестно, дающее о ней сведения, но, конечно, не производящее никакого художественного впечатления" [3, с.135].

На наш взгляд, оценка Брюсова, все-таки слишком категорична, тем более, перевод самого Брюсова критикой считается "верхом буквализма". Ведь проблемы художественного перевода так и не решены, хотя теория перевода, особенно машинного, в наши дни является относительно разработанной. И потому сегодня не только в среде филологов, но и историков разгора-

ются нешуточные страсти по поводу "буквалистских" и "вольных" переводов, переводов "слово в слово" или переводов "подражаний". Что лучше? Наверное, каждый переводчик принимает решение сам, выбирая тот или иной вариант, и полагаясь на время, которое всех рассудит. И как нельзя, кстати, в заключении будет фраза из письма А.А. Фета: "Если мои переводы далеки от желаемого совершенства, то, тем не менее, могут служить фундаментом для будущих, более счастливых или искусных переводчиков" [6, л.5-6].

1. Алмазова Н.С. "Habent sua fata ... conversiones": о переводе "Энеиды" Вергилия в переписке А.А. Фета и Д.И. Нагуевского // Проблемы антиковедения и медиевистики. – Вып. 2. – Нижний Новгород, 2006. 2. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета (1804–1904) / Под ред. Н.П. Загоскина. – Ч.1. – Казань, 1904. 3. Брюсов В.Я. О переводе "Энеиды" русскими стихами // Вергилий Энеида. Пер. В.Я. Брюсова. – М., 2000. 4. Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. – М., 1988. 5. Петровский Ф.А. Русские переводы "Энеиды" и задачи ее нового перевода // Вопросы античной литературы и классической филологии. – М., 1966. 6. Письма А.А. Фета (Шеншина) Д.И. Нагуевскому // ОР РНБ. Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений. – Оп.3. – №1325. – 53 лл. Опубликовано: Перевод "Энеиды" Вергилия в социокультурном контексте России конца XIX века (25 писем А.А. Фета Д.И. Нагуевскому). Подготовка текста, предисловие и комментарий Н.С. Алмазова // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. – Вып. 3. – Омск, 2007. 7. Письма А.А. Фета к Гр. А.В. Олсуфьеву // Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма. – М., 1988. 8. Письма Д.И. Нагуевского к А.А. Фету-Шеншину // ОР РГБ. Ф.315. – Оп.1. – К.9. Ед.хр. 29. – 30 лл. 9. Фет А.А. Воспоминания. Репринт издания 1890. Т.2. Мои воспоминания. 1864–1889. – М., 1983. 10. Энеида Вергилия. Перевод А.А. Фета, с введением, объяснениями и проверкой текста Д.И. Нагуевского, ординарного профессора Императорского Казанского университета. – Ч.1. – I–VI. – М., 1888.

Надійшла до редколегії 13.03.12

Н. Бугаева, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
(г. Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О КЛЯТВЕ УЧАСТНИКОВ ЗАГОВОРА КАТИЛИНЫ

Н. Бугаева обратилась к сообщениям греко-римских писателей о кровавой клятве катилинарцев. По мнению автора статьи, развитие сюжета во многом шло по законам литературного жанра, и в действительности этот яркий эпизод едва ли имел место.

N. Bugaeva drew attention to ancient writers' witness of blood oath of Catilinarian conspirators. According to N. Bugaeva, development of the ancient tradition had characters of belles-letters and this episode didn't take place in reality.

Восстановление много лет спустя подробностей неудавшегося заговора – занятие неблагодарное. Потерпев неудачу, участники тайного предприятия, целью которого, как это было в 63 г. до н.э., является приход к власти вооруженным путем, не жаждут афишировать участие и делиться воспоминаниями. Победившая сторона предлагает обществу свою точку зрения, которая имеет очень большие шансы закрепиться в исторической памяти. Наконец, осуществлявшиеся в глубокой тайне конспиративные действия побуждают домысливать детали – более или менее удачно, в зависимости от степени осведомленности о событиях и их контексте.

Латинское "coniuratio" уже по своей этимологии предполагает совместное принесение клятвы на верность некоему замыслу, причем не обязательно вредоносному. Например, у Ливия этот термин может означать коллективную воинскую присягу (Liv. XXII. 38. 4; XXVI. 25. 11; 16; XLV. 2. 1). Напомним также, что, когда спустя 20 лет был составлен увенчавшийся успехом заговор против Цезаря, обстоятельства которого получили известность, современники удивились, что деятели мартовских ид обошлись без подобного (Plut. Brut. 12). Поэтому античная традиция сообщает о присяге сторонников Катилины как о действии само собой разумеющемся (Flor. II. 12. 4; Plut. Cic. 10; Dio Cass. XXXVII. 30. 3).

За редким исключением [2, р. 29] ученые Нового времени склонны считать эту информацию недостоверной, исходя прежде всего из общих представлений об освещающих заговор источниках [5, р. 71; 8, р. 27; 13, р. 152; 26, с. 187; 24, с. 469; 32, с. 37]. Насколько нам известно, единственный, кто сколько-нибудь углубленно рассматривал данный вопрос, – Э. Манни, пришедший к противоположному выводу. Одна из частей его монографии носит название "Катилинарская религия" и здесь высказывается мысль, что кровавый ритуал совершался в честь малоазийской богини Ма, отождествленной римлянами с Беллоной. Катилина, объявивший себя защитником обездоленных, посвятил вождей заговора в этот мистериальный культ, распространенный среди части плебса. Те же по ряду причин охотно приобщились к таинствам [11, р. 40-49; ср.: 13, р. 152].

Оставляя религиозный аспект гипотезы Э. Манни специалистам, мы предлагаем взглянуть на проблему под другим углом зрения, а именно: насколько достоверны имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства? Итальянский ученый возводит информацию о кровавой клятве к сообщениям доносчиков [11, р. 40-41]. Это вполне вероятно, однако когда впервые была зафиксирована в официальных протоколах страшная подробность? Основанием для ареста и казни пятерых вождей заговора, как известно, стали показания аллоб-

© Бугаева Н., 2012

рогов и некоего Т. Вольтурция. Последний заявил, что примкнул к злодеям совсем недавно (Sall. Cat. XLVII. 1), тем самым лишив себя возможности выступать как очевидец начала событий. Можно отнести рассказ о чудовищном преступлении на счет кого-то из многочисленных соглядатаев, которыми, по словам Цицерона, был окружен со всех сторон Катилина (Cic. Cat. I. 7-10; ср. Plut. Cic. 18). Однако, существование этой разветвленной сети нуждается в доказательстве. В отечественной литературе справедливо указывалось, что, если бы Цицерон имел в своем распоряжении конкретные и неопровержимые факты об антиправительственной деятельности своего врага, он немедленно подверг бы Л. Сергия аресту [20, с. 84]. Первая Катилинария не была бы тогда "декларацией возмущенного бессилия" [20, с. 86]. На наш взгляд, необходимо исходить из того, что минимум до 6 декабря 63 г. до н.э. в распоряжении Цицерона отсутствовали надежные свидетельские показания о кровавой клятве. Косвенно об этом говорит факт, что римский всадник Веттий, после показаний которого были осуждены многие заговорщики (Dio Cass. XXXVII. 41. 2-3), не назван современником среди присягнувших (Sall. Cat. XVII. 3-4).

Очень важные сведения о начальной стадии распространения интересующей нас информации содержатся у Саллюстия, лично знавшего участников событий 63 г. до н.э., затравившего в своей политической деятельности проблемы, чьи корни уходили в 70-ые – 60-ые гг. до н.э. "De coniuratione Catilinae" – источник далеко не идеальный, однако он обладает большим достоинством: здесь зафиксирован очень ранний этап формирования традиции, когда утвердившаяся позднее версия еще не стала канонической. Некоторые сообщаемые Саллюстием подробности идут с нею вразрез, хотя, с другой стороны, не следует преувеличивать расхождение с рассказом Цицерона. В науке неоднократно высказывалась точка зрения о большом влиянии творчества Отца Отечества на труд Саллюстия [3, s. 104; 4, p. 255; 6, p. 21; 12, p. 226; 18, с. 28, 483; 27, с. 5; 16, p. 480]. В частности, Ч. Виржубски отметил полное совпадение характеристики катилинарцев у Отца Отечества и его недоброжелателя [17, p. 21]. Мы полагаем, что следует присоединиться к мнению о большой близости освещения античной традицией заговора Катилины и отсутствию у античных авторов принципиальных разногласий в оценках [32, с. 37].

Саллюстий относит клятву катилинарцев примерно к лету 64 г. до н.э. (Sall. Cat. XVII. 1-3; XX. 1). Он пишет: "Были тогда говорившие, что, произнеся речь и приводя к присяге сообщников своего злодеяния Катилина обнес тех чашами для возлияний со смешанной с вином человеческой кровью (*humani corporis sanguinem vino permixtum in pateris circumtulisse*). Затем, когда все ее отведали, поклявшись и прокляв отступника (*post execrationem*), как это обычно делается на торжественных священнодействиях (*in sollemnibus sacris fieri consuevit*), он открыл свой замысел и повторил, что они должны хранить ещё большую верность друг другу, будучи соучастниками в столь тяжком преступлении. Некоторые полагали, что это и многое другое вымышлено (*nonnulli ficta et haec et multa praeterea existumabant*) теми, кто рассчитывал чудовищностью злодеяния понесших кару смягчить возникшую впоследствии ненависть к Цицерону. Нам же рассказ об этом, в силу исключительности дела, представляется основанным на мало достоверных сведениях (*parum conperta est*)" (Ibid. XXII. 1-3).

В приведенном выше отрывке интересен целый ряд моментов: во-первых, содержимое чаш – смесь вина с

кровью, видимо, специально убитого человека. Во-вторых, то, что заговорщики узнают о составе напитка *post factum*, а значит ответственность возлагается прежде всего на Катилину. В-третьих, Саллюстий неоднократно прибегает к ссылке на "некоторых". Сначала создается впечатление определенного дистанцирования от сообщаемой информации, когда автор не хочет брать ответственность за ее достоверность [13, p. 152]. Затем указанный прием, видимо, используется, чтобы косвенно очернить Цицерона – эффект достигается за счет отказа самого Саллюстия безоговорочно верить в подобные ужасы и причин, которыми он это объясняет. В данном случае мы разделяем распространенное мнение о недоброжелательности к Отцу Отечества. Как кратко сформулировал М.Л.В. Лайстнер, в "De coniuratione Catilinae" Саллюстий "замаял" эпизоды, где Цицерон сыграл ведущую роль и истолковал факты так, чтобы создать как можно более неблагоприятный портрет М. Туллия [9, p. 197; ср.: 25, с. 5; 31, с. 328]. Основные аргументы в поддержку подобной точки зрения были изложены еще в XIX веке [19, с. 245].

Можно ли на основании слов Саллюстия датировать начало целенаправленного распространения слухов о клятве на крови? По-видимому, да. Мы знаем о проблемах, возникших у Цицерона в конце 63 г. до н.э. и попытке привлечь его к суду за казнь арестованных (Dio Cass. XXXVII. 42. 1-2; 38; Plut. Cic. 23). Однако, если верить Диону Кассию, действия плебейского трибуна Метелла Непота были жестко пресечены (Dio Cass. XXXVII. 42. 3). До конца 60-ых гг. до н.э. положение Отца Отечества оставалось довольно устойчивым. Его поддерживал сенат, он льстил себя надеждой на близкие отношения с Крассом и Помпеем, Цицерон считал себя под надежной защитой от нападков Клодия. Едва ли в то время имелаась насущная необходимость сочинять дополнительные чудовищные подробности, поэтому нельзя согласиться с постулатом П.Б. Гурвича о "втором дефенсионном периоде" [Гурвич, с. 38, 74]. Скорее они оказались востребованными ближе к 58 г. до н.э., когда ситуация изменилась. Умерли Квинт Катул и Метелл Целер, чья поддержка столь много значила для великого оратора (Cic. Pro domo sua. 113; Phil. II. 12; Pro Cael. 59-60; ср.: Cic. Att. I. 20. 3), был заключен первый триумвират, консулами предстояло сделаться враждебно настроенным Габиниум и Пизону, а Клодий упорно стремился к переходу в плебеи (что ему удалось в 59 г. до н.э.). Вот тогда-то Отец Отечества стал остро нуждаться в ужасных деталях заговора, чтобы показать: тяжестью злодеяния казненные исключили себя из круга римских граждан и лишили защиты законов. Нарисованный Аппианом и Плутархом образ Цицерона, блуждающего по улицам Города и выпрашивающего сочувствие (App. B. C. II. 15; Plut. Cic. 30), на наш взгляд, лучше сочетается с фальсификацией подобных сведений, нежели портрет человека, упивающегося своим триумфом. Ведь примечательно следующее обстоятельство: если отсутствие в сохранившихся произведениях Цицерона сведений о чашах с кровью можно объяснить по-разному, в Катилинариях заговорщикам инкриминируются прежде всего резня и поджоги (Cic. Cat. I. 3; 6; 9; 12; 29; 32; 33; Cat. II. 1-2; 10; 18-19; Cat. III. 1; 2; 8-10; 15; 19; 21-23; 25; Cat. IV. 2; 4; 7; 10-13; 18). На их фоне меркнет все остальное, а тайные встречи негодяев изображаются скорее в комическом, нежели в трагическом ключе (Cic. Cat. II. 10; ср.: Plut. Cic. 18). Таким образом, мы датировали бы второй этап в развитии традиции о заговоре началом 50-ых гг. до н.э.

Подведем итог: спустя несколько лет в "легенду о Катилине" добавились новые подробности, цель которых – изобразить действия мятежников как можно оди-

ознее. Насколько востребованными позднейшими авторами оказались эти сведения? Ответ на данный вопрос важен, чтобы определить степень доверия к рассказу писателями эпохи Империи. В частности, можно надеяться, что удастся выявить определенные тенденции в развитии "легенды" и наметить принципы работы с последней в неверифицируемых случаях.

Обратимся прежде всего к сообщению жившего после завоевательных походов Траяна (Flor. I. 1. 8) Л. Аннея Флора. Он пишет: "Залогом [верности] заговору послужила обнесенная по кругу в чашах для возлияний человеческая кровь, которую они (заговорщики – Н. Б.) пили. Величайшее нечестие, не будь еще более нечестивым то, за что они пили (additum est pignus coniurationis sanguis humanus, quem circumlatum pateris bibere: summum nefas, nisi amplius esset propter quod biberunt)!" (Ibid. II. 12. 4). Сразу бросается в глаза, что в этом эмоциональном рассказе отсутствуют какие-либо сомнения и к коллективному портрету катилинарцев за счет лаконичности прибавляется черной краски. Негодя *сознательно* пьют *чистую* кровь – Флор умалчивает о вине и о коварной уловке Катилины. Безусловно, перед нами пассаж, характерный для автора "Двух книг римских войн", чей труд эмоционален и не свободен от значительных преувеличений. Однако в отличие, например, от Аппиана Флор весьма неплохо осведомлен о заговоре. Нельзя исключить, что в данном случае имеет место отражение некоей тенденции. Прослеживается ли она более ярко в трудах обращавшихся к событиям 63 г. до н.э. греческих авторов?

Плутарх лаконичен: "Итак, заполучив [Катилину своим] вождем, дурные люди вновь дали друг другу клятвы и, принеся в жертву человека, отведали его мяса (ἄλλας τε πίστεις ἔδοσαν ἀλλήλοις καὶ καταθύσαντες ἄνθρωπον ἐγεύσαντο τῶν σαρκῶν)" (Plut. Cic. 10). В этом сообщении тоже нет ни тени сомнения, причем, согласно Плутарху, совершается еще большее злодеяние. У греческого писателя гораздо сильнее звучит мотив торжественного священнодействия, трансформировавшегося в чудовищное жертвоприношение, который Флором несколько "смазан", а Саллюстием рассматривается в качестве процицероновской версии событий. Казалось бы, ситуация доведена до логического конца, и сюжет уже исчерпал возможности для нагнетания ужаса, но рассказ Диона Кассия убеждает нас в обратном [ср.: 8, р. 27]. Если верить этому историку, Катилина "вынудил самых могущественных и занимающих главенствующее положение (был среди прочих и консул Антоний) принести незаконные жертвы, скрепляющие клятву. Заклав в жертву некоего ребенка и сотворив клятву на его внутренностях, Катилина вместе с сообщниками съел их (ἐς ἀθεμίτων ὀρκωμοσιῶν ἀνάγκην προῤῥαγε παῖδα γὰρ τινα καταθύσας, καὶ ἐπὶ τῶν σπλάγχχνων αὐτοῦ τὰ ὄρκια ποιῶσας, ἔπειτ' ἐσπλάγχχνευσεν αὐτὰ μετὰ τῶν ἄλλων)" (Dio Cass., XXXVII, 30, 3).

Вопрос об источниковой базе каждого из поздних авторов – отдельная сложная проблема; однако, на наш взгляд, не следует сводить все исключительно к ее реконструкции. Весьма вероятно, что Флор опирался на "Ab Urbe condita", однако рассказ Диона о заговоре Катилины, похоже, имеет мало общего с ливианским, насколько последний поддается реконструкции [22, с. 90-117; 23, с. 209]. Здесь мы скорее солидаризируемся с точкой зрения советских ученых [26, с. 239-240; 28, с. 29], нежели с доминирующим мнением [7, с. 664; 8, р. 24, 56; 10, р. 885-886; 11, р. 179, 192, 216-218; 14, с. 341; 15, р. 81]. Изучение близкого сюжета о казни катилинарцев показало, что Плутарх использовал как

ранние сочинения Цицерона, так и возникшую после 60-ых гг. до н.э. традицию, оправдывающую казнь арестованных [21, с. 187-197]. Но нам хотелось бы привлечь внимание к другому аспекту. Примечательно, что латинские авторы передают "оригинальную версию" с питьем крови, тогда как Плутарх и Дион Кассий говорят о поедании жертвенного мяса. Соответственно, требует решения вопрос, каким образом перешла в греческое историописание "легенда о Катилине".

Во-вторых, можно сделать вывод, что рассказ о клятве катилинарцев претерпел развитие отчасти по законам *литературного* жанра. Флор должен был читать труд Саллюстия, равно как и Дион Кассий, однако оба этих автора (а также Плутарх) предпочли иную версию. Показательно, что, в отличие от предшественников, Дион не сильно жаловал Отца Отечества, а значит не имел заинтересованности в оправдании его действий. Налицо тенденция: чем больше времени отделяет пишущего от 63 г. до н.э. и чем более широкими мазками рисует он историческое полотно, тем страшнее изображается присяга негодяев. Во многом схожая закономерность прослеживается в описании попытки освободить арестованных [21, с. 187-197]. Мы далеки от недооценки биографии Цицерона Плутарха и XXXVII книги Диона Кассия, как источников по заговору Катилины. Но для писателя III века события трехсотлетней давности – глубокое прошлое, мало связанное с насущными проблемами. В определенной степени эпоха гражданских войн воспринимается как "время предков", когда было возможно все – и величайший порок, и величайшая добродетель. В частности поэтому аргументация Саллюстия – "Нам же рассказ об этом, в силу исключительности дела, представляется основанным на мало достоверных сведениях" (Sall. Cat. XXII. 1-3). – показалась малоубедительной. На примере Флора, Амплия и Евтропия хорошо прослеживается процесс "генерализации" рассказа, устранения полутонов, исчезновения подробностей, плохо согласующихся с главной линией. [22, 158-257].

Таким образом можно прийти к следующему выводу. Нельзя исключить, что "по своей форме объединение Катилины представляло собой coniuratio (заговор), т.е. сообщество людей, связанных между собой взаимной присягой" (30, с. 20; ср.: 29, с. 280). Тогда, действительно, могли иметь место "совместная присяга (ὄρκον συννομόσαντες) и торжественный обмен клятвами над закланной жертвой (πίστιν καθ' ἱερῶν λαβόντες)" [1, с. 480] – то, что современники ожидали от убийц Цезаря. Однако сведения о кровавом ритуале восходят к распространяемым накануне изгнания Цицерона инсинуациям и с течением времени рассказ о жуткой клятве претерпел изменения, усилившие впечатление о чудовищности заговора. Следовательно, данную подробность можно обоснованно поставить под сомнение.

1. Плутарх. Брут // Сравнительные жизнеописания. – Т.2. – М., 1994.
2. Beesly E. Catiline // Catiline, Clodius and Tiberius. – N.-Y., 1924.
3. Bringmann K. Sallusts Umgang mit der historischen Wahrheit in seiner Darstellung der Catilinarischen Verschwörung // Philologus. 1972. – Bd. 116.
4. Cape R.W. The Rhetoric of Politics in Cicero's Fourth Catilinarian // American Journal of Philology. Baltimore. 1995. – Vol. 116.
5. Fini M. Ritratto di un uomo in rivolta. – Milano, 1996.
6. Hock R.P. Servile behavior in Sallust's Bellum Catilinae // Classical World. – Pittsburgh. 1989. – Vol. 82.
7. John C. Der tag der ersten rede Ciceros gegen Catilina // Philologus. Zeitschrift für klassische Philologie. – Berlin. 1888. – Bd. 46.
8. Koehler M.A. Catilina in classic tradition. – N.-Y., 1919.
9. Laistner M.L.W. The History of History // Classical Philology. – Vol. 35. – Chicago, 1940.
10. Last H. Appendix. The literary Authorities for Roman History, 133-44 B. C. // The Cambridge ancient history. – Cambridge, 1932. – Vol. IX.
11. Manni E. Lucio Sergio Catilina. Florence, 1939.
12. March D.A. Cicero and the "gang of five" // Classical World. Pittsburgh. 1989. № 82.
13. McGushin P. A Commentary to C. Sallustius Crispus. Bellum Catilinae. – Leiden, 1977.
14. Seager R. The First Catilinarian conspiracy //

Historia. Revue d'histoire ancienne. – Bd. 13. – Wiesbaden. 1964. 15. Stern von, E. Catilina und die Parteikämpfe in Rom der Jahre 66-63. – Dorpat, 1883. 16. Wiedemann Th. The Figure of Catiline in the Historia Augusta // Classical Quarterly. – Vol. 18. – Oxford. 1968. New ser. 17. Wirszubski Ch. Avdaces: A Study in Political Phraseology // Journal of Roman Studies. – Vol. 51. – London. 1961. 18. Альбрехт фон, М. История римской литературы. – Т. 1. – М., 2002. 19. Бабст И.К. О Саллюстие и его сочинениях // Прописи. – М., 1856 – С. 245. 20. Бенклев С.Н. Второй заговор Катилины и его характер // Труды Воронежского государственного университета. – Т. 47. – Воронеж, 1957. 21. Бугаева Н.В. Античная историческая традиция о попытке освобождения сторонников Катилины // Античный мир и археология. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 12. – Саратов, 2006. 22. Бугаева Н.В. Заговор Катилины в кратких сообщениях поздней античной традиции. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2008. 23. Бугае-

ва Н.В. "Ломоносовские чтения" на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // ВДИ. 2011. – №1. 24. Гвоздев С.П. Примечания // Заговор Катилины. М.–Л., 1934. 25. Грабарь-Лассек М. Е. Начало политической карьеры Цицерона (82–70 гг. до н. э.) // Цицерон. Сборник статей. – М., 1958. 26. Грималь П. Цицерон. – М., 1991. 27. Гурвич П.Б. Античное повествование о заговоре Катилины. Диссер.... канд. истор. наук. – М., 1946. 28. Лившиц Г.М. Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н. э. и заговор Катилины. – Минск, 1960. 29. Машкин Н.А. История Древнего Рима. – М., 1947. 30. Машкин Н.А. Принципат Августа. – М.–Л., 1949. 31. Тронский И.М. История античной литературы. – М., 2005. 32. Чеканова Н.В. Заговор Катилины: литературная аберрация и реальность // Антиковедение и медиавистика. – Вып. 3. – Ярославль, 2001.

Надійшла до редколегії 13.03.12

М. Венцова, асп.
(г. Донецк, Украина)

ИМПОРТНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ В НЕКРОПОЛЯХ БОСПОРА

В статье рассматривается импортная керамика некрополей Нимфея, Гермонассы, Корокондамы VI–V вв. до н.э. Установлены основные формы и количество сосудов, привезенных из других центров античного мира на Боспор, что позволяет поднимать вопрос о сохранении традиционного образа жизни боспорских греков. Результаты исследования также конкретизируют основные направления торговых отношений и их изменения.

The article deals with imported ceramics of Nymphaion, Hermonassa, Korokondama necropolises of VI–V centuries BC. Disclosed the basic forms and number of ceramics imported from other centres of the ancient world to Bosphorus, they allow us to raise the question of preserving the traditional lifestyle of the Greeks of Bosphorus. The results of the studying can also specify the main direction of trade relations and their changes.

В повседневной жизни греки широко использовали разнообразные керамические сосуды. Расписными керамическими сосудами – крateraми, гидриями, ойнохоями, кубками, киликами, котилами, чашечками, рыбными блюдами пользовались во время приема гостей и традиционных трапезах. Греки часто использовали различные масла, поэтому в обиходе у них были сосуды, в которых они могли хранить и переносить благовония. К ним относятся лекифы, аски, амфориски, арибаллы. Разнообразные сосуды входили в состав погребального инвентаря, широко использовались во время проведения заупокойных культов. В результате колонизации греки, оторванные от родины, для поддержания привычного образа жизни должны были либо самостоятельно производить необходимые предметы быта, либо импортировать их. Изучение вопросов, связанных с керамическим производством, поставками импортных глиняных форм позволяет дать представление о развитии экономики, культуры, установить интенсивность, содержание, направления торговых связей. Привозные товары, продукция местного производства также дают возможность отразить вкусы и потребности греческого населения.

Результаты раскопок поселений и некрополей подтверждают использование в быту импортных керамических сосудов греческим населением Боспора, которые заслуживают особого внимания. Сразу с момента их обнаружения, они оказались в поле зрения, как русскоязычных исследователей, так и западных ученых. Детальному изучению были подвергнуты клейменные амфоры, которые использовались при транспортировке товаров. Анализ клейм давал возможность определить центр производства тары [8, с. 1–208; 13, с. 274–280; 24, с. 118]. В результате проведения многочисленных исследований на данный момент установлены достаточно узкие датировки сосудов с клеймами разных центров производства [16, с. 159–171]. Не осталась без внимания ученых неклеянная тара. С целью решения вопросов, связанных с определением центра производства импортных сосудов без клейм, стали проводиться исследования химического анализа глины и сравнение форм этих сосудов. Масштабное изучение амфор таким способом привело к появлению ряда фундаментальных трудов с предложенными типоло-

гиями сосудов разных центров производства [11, с. 5–178; 2, с. 4–136; 17, с. 5–196]. Кроме амфор, неоднократно подвергались исследованию различные сосуды для масел, питья восточно-греческих центров, Аттики и др. [18, с. 131–172; 19, с. 204–236; 12, с. 172–177; 3, с. 10–12; 1, р. 199–251]. Полученные результаты внесли значительные коррективы в распределение керамики между центрами производства, уточнили датировку, хронологию и типологию отдельных видов сосудов. В целом, изучение вопросов импорта на Боспоре имеет определенные результаты, хотя остаются спорные, неразрешенные моменты. До настоящего времени импортная керамика не рассматривалась с точки зрения сохранения и поддержания потребительской практики греков, которой они жили на родине, что подчеркивает актуальность к ее обращению.

В данной статье предполагается выяснить место импортных сосудов в поддержании привычного образа жизни боспорских греков, рассмотреть привезенные товары как признак проявления традиционности мышления, а также охарактеризовать торговые связи отдельных полисов Боспора с другими регионами античного мира.

Керамические сосуды погребений представляют особый интерес для исследования. Это можно объяснить их относительно хорошей сохранностью и репрезентативностью, что позволяет проследить устойчивость традиции погребального обряда на Боспоре. В данной работе основными источниками исследования будут являться импортные керамические сосуды, обнаруженные в некрополях Боспорского царства – Нимфея, расположенного в Европейской части Боспора, а также Гермонассы и Корокондамы / Тузлинском некрополе Азиатского Боспора, что обусловлено их хорошей изученностью.

Характеризуя источниковую базу исследования, следует обратить внимание на то, что погребальные памятники данных некрополей попали в поле зрения ученых в середине XIX в. Раскопки в то время проводились на недостаточно высоком уровне, что в значительной мере усложняет современные исследования. Во многих случаях невозможно определить точную форму сосуда, центр его производства. Во второй половине прошлого века ученые пересмотрели ранние